

© 1998 г., ЭО, № 3

С.В. Соколовский

ПОНЯТИЕ «КОРЕННОЙ НАРОД» В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ, ПОЛИТИКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ¹

В истории российской науки и государства существовало множество подходов к осмыслению положения иноязычного и иноверческого населения окраин, что отражено в многочисленных документах администрации, научных трудах и публицистике. Это многообразие нашло выражение и в системе терминов, используемых для описания положения данных категорий населения. Исторически сложившиеся способы мышления и говорения о так называемом коренном населении продолжают влиять не только на современное словоупотребление, но и на то, как размышляют о проблемах этого населения нынешние политики, законодатели, ученые и обыватели.

Специфику отечественного взгляда на положение «малочисленных народов» порождают не только особенности эволюции социальных представлений, но и чисто языковой фактор – присущая русскому языку особая образность, которая находит выражение в необычных для многих европейских языков метафорах, аналогиях и т.п. Историческая и языковая специфика и составляет предмет нашего рассмотрения.

Сразу оговорюсь: поскольку тема «нерусского населения национальных окраин» чрезвычайно обширна, я ограничу свою задачу рассмотрением лишь тех групп, которые в современной юридической литературе именуются «коренными народами» и в отношении которых сложился особый корпус законодательных актов как на международном, так и на государственном уровнях. Ограничение темы обусловлено избранным методом – это анализ социальных представлений, своеобразная история идей, а не история тех групп, положение которых отображалось в соответствующих представлениях. Более всего меня будет интересовать понятие «коренной народ». Однако поскольку на его современные трактовки в законодательстве, социальных науках и политической практике влияют представления, истоки которых лежат в истории государства и общества, постольку я попытаюсь проанализировать и некоторые ассоциированные с этим понятием и замещающие его в другие исторические эпохи термины и понятия типа «туземцы», «инородцы», «иноверцы», «ясачные» и др.

Социальные представления о населении отдаленных окраин органично связаны с экспансией Российского государства и освоением вновь приобретенных территорий. На более глубоком понятийном уровне сами представления о расширении государства и так называемом освоении земель укоренены в представлениях о пространстве и времени, месте России в мире и в связанных с этими представлениями концепциях предназначения, судьбы, власти и т.п. Вся эта совокупность представлений не могла не отразиться на используемой терминологии. Начнем рассмотрение этого утверждения с анализа термина «туземцы».

Туземцы

Термин «туземцы» наряду с термином «инородцы» использовался уже на самом раннем этапе освоения Сибири и азиатского Севера. Для владеющих русским языком семантика этого термина оказывается очевидной: туземцы – это население «тех

земель». В словаре В.И. Даля этот термин определяется как «здешний, тамошний уроженец, природный житель страны, о коей речь»². Кроме того, статья «Земля» содержит термины «земец» («землевладелец, у кого своя земля; кто пашет на себя, хотя и не свою землю; земский обыватель, отбывающий повинности»), а также термины «единоземец», «одноземец» и «соземец», приводимые в качестве синонимов к словам «земляк» и «землячка» («рожденный в одном с кем-либо государстве, области, местности»)³. Само слово «земля» помимо прочих имеет, согласно В.И. Далю, следующее значение: «страна, народ и занимаемое им пространство, государство, владение, область, край, округ»⁴. Еще одно значение слова «земля», которое также может иметь отношение к семантике корня в термине «туземец», – «участок поверхности земли нашей, по природным отношениям своим, или по праву владения, составляющий особняк»⁵.

Вытекающее из словарных материалов противопоставление «туземцев» «едино-», «одно-» и «со-земцам» должно быть дополнено противопоставлением «ино-» и «чужеземцам». Единоземцы объединены отношением землячества (по Далю землячество – «состоянье земляков, взаимность этого отношения»), в то время как ино- и чужеземцы совсем не обязательно состоят в отношении землячества друг к другу, но могут быть уроженцами различных государств и составляют категорию пришлых в государстве Российском. В отличие от иноземцев туземцы не рассматриваются ни как пришлый элемент, ни как безусловные граждане государства. В то же время они рассматривались как граждане весьма необычного толка, на чем я еще остановлюсь подробнее. В качестве насельников «тех земель» туземцы оказываются включенными в государство точно так же, как «те земли» оказываются включенными, присоединенными и освоенными этим государством.

Специалистам по истории Российской империи вообще и имперской идеи в России в частности хорошо знакомо утверждение, что в отличие от многих колониальных держав Запада российская колонизация была направлена не на уничтожение и искоренение населения колонизируемых земель, а на его «природнение», превращение «чужих» в «своих». Термин «туземцы» фиксирует одну из ранних стадий этого процесса⁶. В международной терминологии, построенной на греческих и латинских основах (аборигенное, автохтонное, индигенное население) и широко используемой сегодня российскими учеными, политиками и законодателями, наиболее близким по значению является термин «автохтоны», образованный от древнегреческих основ *αυτος* (сам) и *χθωνος* (земля)⁷. «Самоземцы», несмотря на наличие общего с «туземцами» корня, с очевидностью оказываются ближе по значению к терминам, имеющим в своей семантике компоненты, которые группируются вокруг значения «уроженцы определенной местности». Не будет натяжкой утверждать, что латинское *indigenos* является калькой термина «автохтон», но калькой, проявляющей основное значение этого термина и потому использующей не буквальное «terra», но более точное по смыслу «genos».

Термин «туземцы» является частью семантического поля, охватывающего едино-, со-, одно- и иноземцев, и, таким образом, частью одной из классификаций категорий населения. Наличие в нем в качестве семантической основы корня «-зем-» позволяет усмотреть в его значении и отражение существовавшей иерархии земель. Границы между «этими» (нашими, освоенными) и «теми» (периферийными и еще только осваиваемыми) землями пролегли не столько в физико-географическом пространстве, сколько в области так называемой символической, или сакральной, географии⁸, в народных представлениях «о Руси и ее пределах», и менялись вместе с этими представлениями и степенью «природнения» различных земель. В отношении туземцев Сибири, впрочем, граница была довольно стабильной – ее роль исполнял Урал; «те земли» начинались «за Камнем»⁹, несмотря на то что между ним и землями, заселенными русскими, простирался обширный Волго-Уральский регион, «не замирный» вплоть до середины XVIII в.

В связи с рассмотрением классификации земель, подразумеваемой термином «ту-

земцы» («эти земли» и «те земли», освоенные и осваиваемые, центральные и периферийные, свои и чужие), уместно обратить внимание и на географию термина. Следует отметить, что на протяжении XVI–XVIII вв. в официальных документах российского правительства и местной администрации слово «туземец» употреблялось преимущественно в отношении сибирских инородцев. Народы Поволжья и Приуралья именовались либо конкретно – татарове, черемисы, башкирцы, вотяки и т.д., либо по сословиям и вере – тептяри, магометане, иноверные и т.п. Не употреблялся термин «туземцы» по крайней мере в языке официальных актов и в отношении населения Малороссии, Прибалтики и Кавказа, где его заменяли наименования сословных групп (казачество, посольство, шляхетство) и политонимы (малороссияне, лифляндцы, грузинцы и т.д.)¹⁰.

По окраинам России, где российские владения соприкасались с землями других государственных образований (например, в Южной Сибири – с владениями Алтынханов и Джунгарией), термин «туземцы» замещался выражением «ясачные иноземцы»¹¹, употребляемым по отношению к населению, подданство которого в период освоения русскими Южной Сибири оставалось либо неопределенным, либо спорным (так называемые двое- и троеданцы, платившие ясак енисейским кыргызам или монгольским Алтын-ханам, джунгарскому контайше и царю)¹². В «Учреждении об управлении сибирскими инородцами» 1822 г. предусматривалась особая категория «состоящих в зависимости без совершенного подданства» или «несовершенно зависящих», пользующихся «покровительством и защитой правительства во всех внутренних делах единственно тогда, когда с просьбами о том прибегать к оному будут»¹³.

Такая нюансировка терминов для обозначения различных форм подданства заставляет обратить внимание на еще одну семантическую составляющую слова «туземцы», которую условно можно обозначить как «государственность». Этот аспект значения представляется тем более важным, что он, с нашей точки зрения, полностью сохранился в вытеснивших старую терминологию современных словосочетаниях «коренное население» и «коренные народы». Сопоставление объемов понятий¹⁴ «одноземцы», «иноземцы» и «туземцы» позволяет обратить внимание на то обстоятельство, что последним термином обычно называли население колонизируемых, осваиваемых и в этом смысле как бы *ничьих* территорий. Из объема понятия исключались земли и население метрополии. Например, выражение «туземцы Британской империи» охватывало население колоний и не включало англичан, шотландцев и ирландцев. В таком конструировании границ понятия усматривается влияние доктрины *terra nullius* (ничейной земли), лежащей в основе практически любой колониальной экспансии.

«Туземное население» противопоставляется «полноценным» подданным, «цивилизованным» представителям метрополии и рассматривается (как и занимаемые им территории – «те земли») в качестве «становящихся» подданных или граждан, а его земли как осваиваемые¹⁵. Поскольку статус туземцев как подданных остается до некоторой степени неопределенным и как бы «незавершенным», «становящимся», то государство с необходимостью занимает по отношению к ним особую позицию, отличную от отношения к «заурядным» и «полноценным» одноземцам, что выражается в формировании особой политики (замирение, косвенное управление, а сегодня – резервации, национально-территориальные автономии и т.п.) и в особых фискальных отношениях (ясак, а сегодня и в недавнем прошлом – система налоговых льгот, дотаций и субвенций).

Кроме того, именно с доктриной *terra nullius*, общие посылки которой оказались включенными в семантику термина «туземцы», связаны, на наш взгляд, становление в международном и государственном праве особого корпуса прав коренных народов и их рассмотрение в качестве отдельной правовой категории, не смешиваемой с основным населением и меньшинствами. В экономическую политику доктрина ничейной земли вошла в качестве целого спектра теорий «освоения» и «развития» «отсталых

национальных окраин» и проявляется в обслуживающих эти концепции терминосистемах¹⁶.

Обсуждение значения термина «туземцы» будет неполным, если не упомянуть о романтизации и экзотизации его содержания, происшедших в России в XVIII в. и связанных отчасти с распространением руссоистской концепции «благородного дикаря» и отчасти – с усвоением философско-антропологических идей Просвещения и эволюционистских доктрин. Эволюционистские схемы мыслителей Просвещения помещали «примитивные народы» у начала эволюционной лестницы человечества. После работы Ж.-Ф. Лафито¹⁷ уподобление образа жизни современных «диких племен» образу жизни и нравам эпохи античности и времен «изначальных» стало общераспространенным.

Четырехэтапная схема эволюции человечества (охота – пастушество – земледелие – торговля), предложенная А. Тюрго и развитая Ж.-Ж. Руссо, размещала одновременно существующие народы и культуры на исторической шкале. Метафора, уподобляющая современные сообщества охотников и рыболовов варварам античности, некогда воспринимаемая как смелая и продуктивная гипотеза, превратилась позднее в так называемое установленное знание. Став общепризнанным, это знание не перестало быть мифом, основанным на метафорическом уподоблении. Совпавшие со становлением и распространением эволюционных схем открытия в Океании (в особенности отчеты о Таити) привели к еще большей романтизации восприятия «дикарей». Термин «туземцы» стал охватывать население заокеанских экзотических «ничейных земель», что придало ему выразительность и эмоциональность, приличные скорее языку поэзии, нежели сухой прозе канцелярской переписки.

«Свои», отечественные туземцы благодаря этой экзотизации стали восприниматься как осколки населения далеких эпох, «живая старина»¹⁸; перемещения в пространстве все чаще уподоблялись путешествию во времени. Поэтизация содержания термина «туземцы» позволила использовать его как троп «остранения», дав жизнь выражениям типа «туземцы Орловской губ.». Таким образом, экзотизация и поэтизация термина, вызванные распространением идеологии романтизма и Просвещения, еще более упрочили и подчеркнули такие аспекты его значения, как *особость* и *инаковость*, с одной стороны, и патриархальность, *исконность*, *изначальность*, древность – с другой.

Размещение хронологически сосуществующих народов на исторической шкале (хронологизация) и его оборотная сторона (территориализация исторического времени) создавали особую оптику видения коренного населения. Она отразилась затем в символично-географических представлениях и языке и вошла в семантическое поле термина «коренные народы» настолько прочно, что все попытки (впрочем, непоследовательные) устранить эту оптику до сих пор не увенчались успехом. Одним из отображений этой оптики в дискурсе, как историческом, так и современном, стали диминутивы – лексические и морфологические средства выражения значения уменьшительности: туземцы населяли не земли, а «землицы», и во главе их родовых и территориальных общин стояли не князья, а «князицы».

В XVI–XVII вв. понятие «князец», или «княжик», по значению совпадало с понятиями старшины или сотника. И, по-видимому, следует согласиться с мнением тех историографов Сибири, которые объясняли использование указанного понятия влиянием татарской военно-административной системы, которая наложила свой отпечаток на местные структуры власти еще в дорусский период¹⁹. Следует учесть также и изменяющиеся контексты употребления этого сословного наименования. Не исключено, что в XVI–XVIII вв. использование уменьшительных суффиксов (княжики, землицы) было обусловлено как традицией канцелярского стиля (обращение к начальству предполагало самоуничижительность), так и формировавшейся иерархией и неравенством между победителями и покоренными, новыми феодалами и данниками.

Уже к концу XVIII в. на первый план стало выходить не очевидное неравенство, но отмеченная выше оптика, в соответствии с которой близость к центру (не столько

географическая, сколько по образу жизни) ассоциировалась со значимостью и величием, а удаленность, по законам уже открытой центральной линейной перспективы, — с незначительностью, *малостью* и в некоторых контекстах с пренебрежительным отношением. Туземцы как население отдаленных «землиц» оказались у подножия пирамиды власти. И как бы не складывались их отношения с властью впоследствии, семантические компоненты «малости» и «ничтожности» были включены в эволюционирующую терминосистему и неоднократно «всплывали», изменяя восприятие новых терминов²⁰.

Перечисленные грани значения термина «туземцы», разумеется, не исчерпывают, да и не могут в принципе исчерпать семантики продолжающего жить слова. Дело в том, что термин нельзя безоговорочно отнести к историзмам — на волне поисков «чистого» языка он возвращается в публицистику и научную литературу²¹. А поскольку социальный контекст (лингвисты в этом случае говорят о прагматике термина) резко изменился, то, несомненно, меняется и вся конфигурация семантического поля, в которое включены этот и близкие ему термины.

Инородцы

Термин «инородцы» использовался в административной практике досоветской России, пожалуй, шире и чаще, чем любой другой, включая «туземцев». Он зафиксирован во множестве документов (законах, распоряжениях, деловой переписке) XVI–XIX вв., к наиболее известным среди которых относится устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г.²² В соответствии с § 1 устава «все обитающие в Сибири инородные племена, именуемые поныне ясачными, по различной степени гражданского их образования и по настоящему образу жизни» разделялись на три главных разряда: оседлых, кочевых и бродячих — с наделением каждой категории особыми правами и обязанностями.

Оседлые инородцы, т.е. «живущие в городах и селениях», уравниваются «с россиянами во всех правах и обязанностях, в которые они вступят», и управляются «на основании общих узаконений и учреждений...» (§ 13), в то время как кочевые инородцы (т.е. «занимающие определенные места, по временам года переменяемые») составляют «особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от оногo в образе управления» (§ 24). Наконец, бродячие инородцы («ловцы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам», «живущие в отдалении и рассеянии») пользуются теми же правами, что и кочевые, но с иным режимом наделения землями и освобождением от «денежных земских по губернии повинностей» (§ 1, 61–62). При достаточном числе душ оседлые инородцы объединялись в инородные волости. Кочующие и бродячие должны были управляться с помощью общинных родовых управ, которые подчинялись инородной управе, а затем уже земской полиции и окружному суду.

Анализ использования термина «инородцы» позволяет отметить две особенности. Первая связана с особым членением фискально-административного пространства, когда учреждались инородческие волости. Податным подразделением на многих территориях Сибири стал не административный род, а «ясачная волость», иными словами, границы между волостями пролегли не географически, а персонально, подушно. Инородцам запрещалось самовольно перечисляться из волости в волость, что, по мнению некоторых исследователей²³, объяснялось не стремлением законсервировать патриархально-родовые отношения, а невозможностью иным образом обозначить условные границы окладных объединений без проведения обширных и дорогостоящих межевых работ.

Термин «инородцы», таким образом, через наименование управленческих институтов стал ассоциироваться с податными категориями тяглых, или «ясачных инородцев», что подтверждается наличием приведенных терминосочетаний в документах того времени.

Вторая особенность касается практически полного исчезновения указанного выше термина после революции. На первых порах его успешно заменял термин «туземцы»: вместо инородных управ возникли тузсоветы и тузРИКи, а документы новой власти, касавшиеся коренного населения, были полны выражений типа «туземные племена» и «туземцы Севера». Едва ли не последней публикацией с «инородческой» терминологией стала работа И. Серебренникова²⁴. В последующих научных трудах «туземцы» решительно потеснили «инородцев». Одной из причин могло стать несоответствие термина «инородцы» официальной доктрине интернационализма, сделавшее его «политически некорректным». Впрочем, сегодня уже, кажется, невозможно реконструировать множество коннотаций, сопутствовавших термину «инородец» на разных этапах его истории, поскольку речь идет о такой тонкой материи, как восприятие слова людьми различного социального положения, взглядов и политических симпатий.

Основное значение термина «инородец» – «уроженец другого, чужого племени или народа»²⁵ (как и его синоним – иноплеменник) – изобличает этноцентризм разделения населения страны на со- и иноплеменников, что также не могло не сказаться на судьбе этого термина в советский период. Сегодня он опять появляется на страницах газет и журналов, но уже как часть словаря правых националистов.

Заслуживает упоминания и то обстоятельство, что экстенционалы терминов «инородцы» и «туземцы» не совпадали: если география термина «инородец» охватывала районы старой русской колонизации (территории бывших Казанского и Астраханского ханств) и степной юг империи, то термин «туземец», как уже сообщалось, в рассматриваемый период охватывал лишь районы новой колонизации. Сегодня оба термина могут «резать слух»²⁶, однако вплоть до 1920-х – 1930-х годов они воспринимались как нейтральные.

Иноверцы

Если рассматривать это понятие в аспекте его влияния на современное содержание понятия «коренные народы», на манеру восприятия и способы мышления и суждения о категориях населения, которые рассматривались выше (именно это, напомним, и было определено в качестве одной из задач анализа), то необходимо с самого начала отметить, что в отличие от уже рассмотренных терминов влияние понятия «иноверцы» на современные дискурсивные практики не следует преувеличивать. Здесь, возможно, сыграл свою роль длительный советский период, до известной степени «уравнявший» в бесправии различные конфессиональные сообщества перед лицом атеистического государства. Он и обусловил появление разрыва в истории семантического поля, тематизирующего взаимоотношения конфессионального большинства (православных) и конфессиональных меньшинств.

При всех трудностях, встречаемых на пути реконструкции состояний этого поля в различные периоды отечественной истории (из-за наличия разрывов эта реконструкция приобретает большую степень гипотетичности, нежели реконструкции на основе рядов исторических событий, имеющих характер постепенных изменений), живой язык сохранил множество «фрагментов» этого поля, что дает основание надеяться на обретение более или менее достоверной реконструкции в принципе.

У В.И. Даля слово «иноверие» («иноверство») определяется как «ученье и обряды другого, не господствующего где-либо исповеданья, веры», а «иноверец» – как тот, «кто исповедует иную, различную с кем, или не господствующую в государстве веру»²⁷. Отмеченная Далем тема господства важна, так как позволяет заметить, что коренное население находилось у «подножия» власти и являлось своего рода *нулевой точкой отсчета* не только в классификациях народов и земель, но и в классификации конфессий. Переход в православие и крещение работал в качестве, если воспользоваться метафорой социологов, социального лифта, открывавшего «новокрещеным иноверцам» перспективы экономического и социального роста.

Можно без особых натяжек утверждать, что крещение в Российской империи XVII–XVIII вв. было не менее могучим средством социального продвижения, чем вступление в партию в советское время.

Первое наступление на права поволжских иноверцев было предпринято еще в допетровский период. В соответствии с именным указом 1681 г. мусульманским мурзам, имевшим в своих поместьях и вотчинах православных крестьян, было приказано креститься под угрозой утраты имений, а мордве, по этому же указу, «сказать, чтоб они, поискав благочестивыя Христианския веры Греческого закона, крестились все, а как они крестятся, им во всяких податях дано будет льготы на шесть лет...»²⁸.

При Иване IV крестившихся инородцев освобождали от рекрутства пожизненно и от подушной подати – на три года. Однако следует заметить, что несмотря на обилие указов, конфессиональная интеграция многих народов Поволжья и сибирских иноверцев была поверхностна и новокрещеные часто сохраняли свою приверженность прежним культам. Язык четко отражает это положение – появляется выражение «крещеные иноверцы»²⁹. Впрочем, появление такого рода выражений объясняется также метонимией – повседневно происходящей подстановкой наименования части вместо целого. В случае с термином «иноверец» (наименование лишь одного из качеств населения) метонимические выражения типа «иноверческие деревни» и «иноверческие языки»³⁰ приводили к подмене наименований инокультурного населения конфессионимами; слово «иноверец» начинало функционировать как этноним, что и позволяло употреблять выражения типа «крещеные иноверцы».

Рассматриваемое семантическое поле содержало также и множество иных терминов, связанных с понятием «иноверец» отношениями противопоставления и сходства: «крестьянин» (христианин), «магометанин» (мохамеданин, мусульманин, бусурманин; в современной политической риторике – «исламист»), православный, правоверный, язычник и т.д. К числу часто используемых синонимов термина «иноверец» следует отнести «идолопоклонник» (идольщик, идолослужитель, идолочтитель, кумирщик), а также термины «поганый»³¹ и «нечистый». Кроме того, в это поле входили термины «идолобесный», «идоложрец», «идолоздатель» и многие другие полузабытые или больше не употребляемые слова, которые отражают представления русскоязычного православного большинства о носителях иных вер. Второе издание словаря В.И. Даля (1881 г.) содержит выразительный пример, иллюстрирующий эти представления: «Идолы греков были изящные мраморные изваянья; идолы калмыков, китайцев – литые медные уроды; идолы самоедов – резные, деревянные болваны»³². Месторасположение капища самоедов в Архангельской губ. называлось «Болванская сопка»³³.

Объем понятия «иноверцы» в принципе охватывал все неправославное население империи аналогично тому, как «инородцы» в первом приближении соответствовали множеству всех «нерусских». Однако, как и во всех социально значимых категоризациях, при ближайшем рассмотрении такого рода «уравнения» включали массу оговорок и имели множество исключений и пограничных случаев. Церковный термин «инославные», например, в словосочетании «инославные церкви» относится к христианским неправославным церквям. Именованная паства этих церквей «иноверцами» в разных обстоятельствах и в разные исторические эпохи бывало неудобным, хотя такое и случалось. Точно так же не все иноверные могли причисляться к язычникам, хотя в большинстве контекстов эти термины воспринимались как синонимы и могли замещать друга друга³⁴.

Еще одной нелогичностью рассматриваемой терминосистемы является пара «православные – правоверные». По правилам «иноверным» должны были бы противостоять «правоверные», но этот локус в семантическом поле занимает термин «православные христиане». Термин «правоверные» оказывается закрепленным за мусульманами («магометанами», «мохамеданами», «бусурманами»³⁵). «Правоверные мусульмане» одновременно выступали и как «неверные»³⁶, и сами называли христиан «неверными» (кафирами, гяурами).

Рассмотрение всей системы терминов, описывающих коренные народы в конфессиональном отношении, позволяет утверждать, что массовым сознанием религии этих народов воспринимались как темные «поганые» языческие культы. Справедливости ради следует сказать, что это не было чем-то исключительным для межконфессиональных отношений рассматриваемых исторических периодов и свойственно только православным. Несмотря на такое пренебрежительное отношение к «иным верам», иерархи православной церкви и государственная власть пытались всеми мерами (увещеванием и принуждением) вовлечь в православие народы присоединяемых и захватываемых земель. Иными словами, при всей строгости мер, направленных против отпавших от церкви или тайно исповедующих прежнюю веру, церковь оставалась открытой и не ограничивала свою прозелитическую деятельность рамками какой-либо одной культуры, языка или сословия. Общая тенденция «природнения» туземцев проявлялась и в конфессиональной сфере³⁷.

Ясачные

Термин «ясачные» (ясашные) так же, как и предыдущие, весьма часто использовался в официальных текстах Российской империи и даже служил в качестве самоназвания вплоть до сегодняшнего дня у некоторых групп коренного населения Южной и Средней Сибири (чулымцев, отдельных групп сибирских татар, телеутов)³⁸. География этого термина оказывается значительно более широкой, чем география термина «туземцы», а объем соответствующего понятия конкурирует с объемом понятия «инородцы», поскольку включает не только значительную часть населения Севера, Приуралья, Сибири и Поволжья³⁹, но и отдельные общины русских крестьян, в особенности старожильческого населения Сибири.

Как известно, данный термин наряду с некоторыми другими⁴⁰, как и соответствующие практики, был заимствован у тюрков. Ясак взимался пушниной и иногда скотом, а с XVIII в. (в Сибири с начала XIX в.) – деньгами. В этой эволюции также можно усмотреть прогрессирующую унификацию отношения к населению империи, обусловленную как установками на «природнение» ее многонационального населения, так и просвещенческим проектом «регулярного» рационального управления.

К числу ясачных приписывались целые народы, ведущие натуральное хозяйство, основанное на охоте, рыболовстве, оленеводстве и зверобойном промысле, однако обложение ясакom основывалось не столько на *характере хозяйства*, сколько на характере взаимоотношений с центральной властью, т.е. на особенностях *подданства*. Именно из-за того обстоятельства, что «коренное население» воспринималось как особая категория подданных, чья интеграция в население государства не ощущалась как полная и абсолютная, центральные власти прибегали к политике налоговых льгот. Статус «ясачных» в силу этого был иногда притягателен для русских крестьян, чьи подати в казну и местные налоги могли существенно превышать уровень ясачного оклада соседей.

Перейти из крестьян в категорию «ясачных инородцев» стремились также и татарские переселенцы в Сибирь. С этой целью они «записывались на породу», т.е. включались в тугунную систему сибирских татар, совершенно несвойственную татарам Поволжья⁴¹. Традиция особой налоговой политики по отношению к коренному населению не прерывалась и при советской власти. Таким образом, есть основания утверждать, что основы особого положения этих народов в фискальной политике Российского государства закладывались еще в XV–XVII вв.

Рассмотрение эволюции языковых средств и форм представлений о «туземных народах» позволяет заметить смену нескольких стилей, совпадающую, как представляется, с этапами огосударствления «новых подданных» в рамках Российской империи и освоения «присоединенных» сибирских земель. Исследователи эволюции форм управления населением Сибири (Л.М. Дамешек, В.А. Зибарев, А.Ю. Конев, В.Г. Марченко, Н.А. Миненко, А.И. Мурзина, И.В. Островский, А.И. Парусов, Л.С. Рафиенко,

В.В. Рабцевич, Л.И. Светличная и др.) выделяют несколько этапов этой эволюции – от доконтактной «военной демократии» через прямое колониальное управление к управлению косвенному, а затем – к религиозной интеграции и административной реформе, которая повлекла усиление государственного контроля и регламентацию многих сторон жизни коренных народов.

Содержание этих «эпох» удачно суммирует А.В. Головнев: «Период 16–17 вв. можно считать стадией военного утверждения российской государственности, или, условно говоря, эпохой Ермака. После того, как миновал беспокойный 17 в. и оказались разгромленными или включенными в административную систему колониального управления основные военно-политические центры туземного населения, центр тяжести социальных отношений переместился в сферу религии. Символами группового единства стали не реальные богатыри-защитники, а их сакрализованные заместители – идолы. Роль соционормативных лидеров перешла к духовным вождям – шаманам.

С 18 в. начался второй (после военного) нормативный натиск на туземцев – насильственная христианизация. На этот раз уничтожались идолы, крушились святылища, преследовались шаманы. ...По имени главного вдохновителя крещения этот период можно назвать эпохой Лещинского.

В 19 в. благодаря принятию Устава "Об управлении инородцев" 1822 г. был совершен третий – правовой "захват" туземного населения. Регламентация жизни сверху еще более усилилась; при видимости народоправства реальными инстанциями управления и судопроизводства оказались инородные управы во главе с русскими писарями, уездные и губернские административные органы. По имени инициатора реформы 1822 г. этот период в истории российского влияния на туземцев можно обозначить эпохой Сперанского»⁴².

В языке смена этих эпох выражалась в игре значений основных терминов – «туземцев» сменили «инородцы» и «иноверцы», или «ясачные»; объемы понятий и их география, их использование различными слоями населения постоянно менялись. Политические доктрины и управленческие реформы находили отражение в языке, а сам язык создавал пространство возможного для политической мысли и связывал власти и подданных узлами единой живой сети социальных категоризаций.

Коренные народы

О лексическом значении слова «коренной» можно бы и не говорить, настолько оно прозрачно для владеющих русским языком. Стоит лишь еще раз отметить отсутствие метафорического уподобления «корню» исконного населения в западноевропейских языках. «Растительная метафорика» в терминах, связанных с обозначениями коренных народов, больше свойственна тюркским языкам, но специальные этимологические исследования в этой области мне неизвестны, поэтому я сосредоточусь не на наблюдениях терминологического свойства, а на комментировании содержания самого понятия.

Политика огосударствления всех аспектов жизни коренных народов была продолжена и после октября 1917 г., однако новой власти было жизненно необходимо обозначить разрыв в преемственности с прежней властью на первых порах хотя бы с помощью чисто символических средств. Необходимость эта была обусловлена политической позицией большевиков по отношению ко всему прежнему, включая, разумеется, все социально значимые классификации (сословно-классовые, лингвокультурные, этнонациональные и т.д.). Лозунг разрушения старого мира «до основанья», примененный и к средствам выражения, и к мыслительным стереотипам, был одновременно утопическим, парадоксальным и практически опасным. Изобретая новояз, власть рисковала утратить связь со своей «аудиторией».

Придумать язык, одновременно понятный народу и новый, рвущий нити привычных ассоциаций и связей с ненавистным прошлым, было чрезвычайно трудно. Эта

двудеиная задача была решена с помощью сочетания партийного жаргона с тщательно отобранными по принципу идеологического соответствия старыми терминами. Из сложившейся терминосистемы было выброшено слово «инородец» и практически перестали употребляться (в особенности, если вести речь о языке официальных документов) термины «иноверец» и «ясачный». Из старых слов были оставлены лишь «туземец» и «племя»; они и были использованы полностью, вплоть до исчерпания их потенциала означивания; из них был построен длинный ряд производных терминосочетаний.

Период с 1924 по 1932 г. стал пиком термино- и законотворчества, когда увидели свет более 50 нормативных документов, содержащих около 20 терминов для обозначения коренных народов. Само слово «коренной», впрочем, было использовано лишь однажды – в постановлении ВЦИК от 21 декабря 1931 г., в котором наряду с выражениями «коренные народности Севера» и «коренное население Дальнего Севера, Сахалина и Камчатки» употреблялись также словосочетания «туземные народности Севера» и «нац. меньшинства».

Язык официальных документов этого периода был достаточно своеобразен, что дает основание говорить об особом стиле. Кроме того, именно в этот период были созданы (а отчасти и воспроизведены из прежнего, дореволюционного наследия) большинство речевых формул и мыслительных стереотипов, которые используются по сей день. Для экономии места и времени перечислю эти выражения без отсылок к соответствующим документам: туземное население, туземцы Севера, туземный Север, тузРИК, тузсовет, кочсовет, туз. район, туземные народности, малые туземные народности Севера РСФСР, туземное население северных окраин, туземные племена, племена северных окраин, народности северных окраин, северные народности, малые народности северных окраин, мелкие народности Севера, малые народности Севера, ведущие кочевой и полукочевой образ жизни, туземные народности и племена северных окраин, народности нерусского языка, народы Крайнего Севера, северные народы, нацменьшинства, национальности, нацменовский сельсовет и др.

Этот длинный перечень позволяет воссоздать топологию мышления о коренном населении Сибири и Севера. Несмотря на обилие новых терминов, характеристики этого мышления не особенно изменились по сравнению с досоветским периодом. Новая власть, начав с осторожных, абстрактных и малопонятных широким слоям населения терминов «национальности», «национальные меньшинства» и «этнографические группы»⁴³, перешла впоследствии на привычные стереотипы мышления о далеких туземцах. Первые акты советской власти вообще не содержали открытых упоминаний о народах Сибири и Севера. Шла борьба за привлечение на сторону новой власти политически активных национальных элит Украины, Поволжья и Кавказа, и Наркомнац пользовался общими терминами «народ» и «национальность»⁴⁴. Первый декрет, где упоминались «туземцы Севера», появился лишь в январе 1924 г.

Для представления о топосах (темах) мышления относительно «коренного населения» достаточно обратить внимание на содержание перечисленных выше понятий, на те характеристики этого населения, которые по каким-то причинам следует выделять уже на уровне именованя. В указанных выше терминах периода 1920-х – 1930-х годов подчеркивается *малость* (не *народы*, а *племена* и *народности*)⁴⁵, причем *малые*, *мелкие*). Необходимо заметить, что учет численности (величины) народа являлся непременной особенностью мышления лишь при рассмотрении групп коренного населения Севера и Сибири. Некоторые столь же немногочисленные народы «внутренней периферии» Европейской России (водь, ижора, вепсы и др.) стали восприниматься как «малые», или «малочисленные», только в перестроечный период. Что же касается народов Кавказа, то в отношении их термин «малочисленный» не употреблялся в законодательной практике вплоть до недавнего времени.

Второй устойчиво воспроизводящейся темой при всяком упоминании коренных

народов является их *удаленность от центра* (народности *Крайнего Севера*, племена *северных окраин*, народы *северных регионов* и т.п.). Организованный в 1925 г. при президиуме ВЦИК Комитет содействия народностям северных окраин развернул бурную законодательную деятельность. В результате к 1926 г. появилась такая формулировка, как «туземные народности и племена северных окраин», которая кочевала из документа в документ в течение трех лет. Затем вместо нее появилось выражение «малые народности Севера». Вряд ли стоит подчеркивать, что в наименовании групп населения других регионов страны их положение относительно стран света⁴⁶, как и их отдаленность, редко тематизируются.

Выделение коренного населения как *особой категории*, в отношении которой должна быть сформирована *особая политика*, также может быть названо в качестве еще одного топоса в мышлении о населении Сибири и Севера.

Что касается *экзотизации* и *романтизации* восприятия этих народов, то в документах правительства их следы невозможно обнаружить, но ими полны научные отчеты и полевые дневники современников.

Из этого краткого перечня устойчивых топосов можно заметить, что несмотря на значительное обновление терминологии, топология мышления об этих народах в 1920-е–1930-е годы не слишком отличалась от топологии предшествующих периодов.

Конец 1930-х годов не дал новых понятий в этой области; термин «народности» окончательно вытеснил термин «племена»; число документов, адресованных этим «народностям», значительно снизилось, а затем их и вовсе не стало. Так, в период с 1937 по 1957 г. документы правительства вообще не упоминали народы Севера; объектом его опеки было население Севера вообще и его хозяйственная деятельность в частности. Лишь в 1957 г. появляется постановление Совмина РСФСР № 501 «О дополнительных мероприятиях по развитию экономики и культуры народностей Севера». Выражение «малые народности Севера» оставалось в употреблении до середины 1980-х годов, но постепенно вытеснялось терминосочетанием «малые народы Севера, Сибири и Дальнего Востока». Для словаря терминов этого периода характерны унификация и бедность (использовались один–два термина). Однако словарь, отражающий тематику «освоения ресурсов Сибири» и исторически связанный с охарактеризованной выше доктриной ничейной земли, был разнообразней и использовался значительно активнее.

Период «перестройки» характеризовался довольно резкой сменой терминологии. Очевидно, перед «архитекторами перестройки» стояла та же задача символического размежевания с терминологией предшествующего периода, что и перед большевиками в 1917 г. Слово «народности» ушло из официального употребления, как и слово «малые». Их место заняли термины «народ» и «малочисленный». До 1993 г. выражение «коренные народы» в официальных документах появляется лишь дважды и оба раза – в указах президента. В указе № 118 от 5 февраля 1992 г. есть предложение о ратификации Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», а указ № 397 от 22 апреля 1992 г. содержит распоряжение «подготовить до конца 1992 г. и внести в Верховный Совет РФ проекты законов "О правовом статусе коренных народов Севера" и "О правовом статусе национального района, национального сельского и поселкового Советов, родовых и общинных Советов коренных народов Севера"».

Шестидесятилетнее табу на употребление формулы «коренные народы» и замена ее выражениями «малые», или «малочисленные» народы (народности), неслучайны. Они объяснялись официальной позицией, выраженной представителем СССР на одной из сессий Рабочей группы ООН по коренному населению, в соответствии с которой использование выражения «коренные народы» уместно лишь в колониальном контексте. Было заявлено, что «коренных народов» в юридически строгом понимании этого термина на территории СССР нет⁴⁷.

Если обратить внимание на использование термина вне юридических контекстов и проанализировать его семантику и прагматику⁴⁸, то бросаются в глаза противоречия

между языковыми и речевыми смыслами. На противоречивость понятия «коренные народы» и его нестроговость в применении к населению Сибири уже обращали внимание многие исследователи. Приведу лишь один пример. З.П. Соколова, анализируя критерии, по которым в 1920-е – 1930-е годы была выделена группа «коренных малочисленных народов Севера», а именно малая численность, ведение традиционных отраслей хозяйства (оленоводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел, собирательство), образ жизни (полуоседлый, кочевой) и низкий уровень социально-экономического развития, приходит к выводу, что безоговорочно работает лишь первый критерий. В традиционных отраслях у большинства народов занято менее четверти трудоспособного населения; часть народов характеризуется довольно высоким уровнем урбанизации. Что же касается последнего критерия – уровня социально-экономического развития, то, несмотря на его справедливость, положение значительной части остального российского населения «не отличается в лучшую сторону от ситуации на Севере»⁴⁹.

Семантика термина «коренной» указывает на «изначальность» определяемого им населения. Однако по существу это означает лишь присутствие предков данной группы населения в Сибири в период ее освоения русскими. При этом игнорируются иногда масштабные перемещения различных групп как внутри Сибири, так и за ее пределы (например, угон предков хакасов в Джунгарию и их возвращение), превращающие эти группы в «пришлых», «переселенцев» и «мигрантов», если воспользоваться современной терминологией.

Метафорика этого слова уводит нас еще дальше. Словосочетание «кочующее коренное население» является, с точки зрения семантики, оксюмороном (что-то типа «горячего снега»). Кочующие группы коренного населения если и «укоренены», то не на земле, а в своем образе жизни, в перемещающихся оленьих стадах, косяках рыбы и стаях птиц. Практика перевода коренного населения на оседлость изобличает неуместность «растительных» метафор в приложении к постоянно меняющим места пребывания «коренным».

Прагматика слова «коренной» указывает еще на одно значение: «коренной» относится к народу (уже поименованному, сложившемуся и получившему впоследствии более или менее признанную генеалогию, что особенно важно при смене наименований), который населял колонизируемый регион на момент колонизации. Но и это верно при двух условиях: 1) существует непрерывная преемственность власти (государства-метрополии, осуществляющей колонизацию); 2) существует реальная или воображаемая преемственность между обретенными в период колонизации «новыми подданными» и современными этническими сообществами. При любом нарушении одного из этих двух условий термин «коренной» перестает употребляться по отношению к конкретной группе.

Это становится очевидным при рассмотрении пограничных случаев. Власть якутских кочевников-скотоводов, пришедших с юга и оттеснивших «коренное население», перешла к Российскому государству, поэтому термин «коренной народ» (с известными оговорками) распространяется и на якутов. Не случись смены власти, якуты бы воспринимались как пришельцы.

Другой пограничный случай – русское старожильческое население Сибири, включаемое в текстах некоторых законопроектов в список «коренных». Осмелюсь предположить, что такое включение оказалось возможным не только (и, быть может, даже не столько) потому, что для этих групп характерен так называемый традиционный образ жизни (понятие не бесспорное и нуждающееся в деконструкции), но скорее потому, что между ними и Российским государством в различные исторические периоды возникало отчетливое противостояние, не позволяющее безусловно отождествлять этих «пришельцев» с властью.

Еще один пограничный случай – употребление понятия «коренной» в современных Эстонии и Латвии, где оно противопоставляет так называемых «оккупантов» «титულному населению». Здесь сема (компонент значения) колонизации (оккупации) звучит

особенно явно. Отчетливее проявляется тут и метафорика слова «коренной»: «коренное население» противопоставляется пришлым «перекати-поле», «мигрантам» и «лимитчикам». Конституция Украины также содержит термин «коренные народы», однако нет ни одного документа с толкованием этого понятия и разъяснением его содержания.

В связи с неопределенностью понятия «коренной» становятся проблематичными многие определения «коренных малочисленных народов России», включаемые в тексты законопроектов. Например, в ст. 1 «Основ правового статуса коренных малочисленных народов России» содержится следующее определение: «*Коренными малочисленными народами России (далее – малочисленные народы) признаются народы, проживающие на территории традиционного расселения своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями*».

Новый законопроект «О правовом статусе этнокультурных объединений, представляющих языковые, этноконфессиональные и этнические меньшинства», также содержит определение «народов, ведущих традиционный образ жизни (малых коренных или аборигенных народов)», которое уже цитировалось выше.

Помимо воспроизводства отмеченных выше топосов стереотипизированного мышления о коренных народах эти определения содержат множество дискуссионных понятий типа «традиция», «территория традиционного расселения предков», «стадия социально-экономического развития», по поводу которых нет согласия ни в академических, ни в политических кругах.

Подведем итоги рассмотрения понятий, связанных с обозначением коренных народов. Это рассмотрение позволяет отметить целый ряд моментов преемственности, объединяющих современные стили мышления и речевые формулы с историческими представлениями об этих народах, складывавшимися уже в XVI–XVII вв. К числу этих моментов следует отнести: мышление о коренном населении как об особой и специфической целостности и – в качестве таковой – особом объекте национальной, экономической и конфессиональной политики; подчеркивание небольшой численности этих народов, обусловленное особой оптикой их рассмотрения, сложившейся уже на ранних этапах пребывания этих народов в составе Российского государства; экзотизацию и эстетизацию мышления о коренном населении и его культуре, восходящие к идеологии романтизма; рассмотрение земель этих народов как «осваиваемых», вытекающее из этически уязвимых и уже неосознаваемых посылок доктрины terra nullius; представленную в массовом сознании тематизацию расовых различий, восходящую к понятию «инородцы», выражающуюся сегодня в обидных кличках, анекдотах, пренебрежительном отношении, особенно со стороны непостоянного населения Севера; крайнюю степень политизации мышления о коренных народах, связанную с борьбой политических, хозяйственно-экономических, финансовых и национальных элит за участие в прибылях, получаемых от реализации ресурсов территорий современного расселения этих народов.

Вскрытая топология мышления о коренных народах позволяет реконструировать «портрет» этих народов, очевидно, восходящий к *архетипу абсолютного другого*. Что значит быть «абсолютно другим» в клишированном сознании типичного жителя индустриального центра России? Это значит быть уроженцем и жителем периферии, сельским жителем, носителем другого (т.е. нерусского) языка, религии, ценностей и образа жизни, представителем другой расы, культуры, нетипичной (не встречаемой в городах) профессии, быть малограмотным, с абсолютно иными потребностями и запросами.

Этот «портрет», по всей видимости, совпадает с той неявной изнанкой дефиниций, которая выхолщивает общегуманистические намерения их авторов, так же, как и патология обыденного мышления, допускающая распоряжение судьбами других (но в особенности «абсолютно других»), выхолщивает рациональность проектов устройства судеб коренных народов.

Примечания

¹ Впервые представлено в качестве доклада на XI междунар. конгрессе «Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах» (Москва, 18 – 22 августа 1997 г.).

² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1994. С. 441.

³ *Даль В.И.* Указ. раб. Т. 1. М., 1994. С. 679.

⁴ Примеры из словаря: «В немецкой земле обычаи не наши». «И пришла на них ростовская земля». Последний пример сопровождается пометой *стар.* и толкованием «народ, войско». Контаминация понятий «народ» и «войско» кажется вообще характерной для индоевропейских языков (сравните, например, немецкое Volk, восходящее к тому же индоевропейскому корню, что и русское «полк»), чем и объясняется весьма распространенная в отечественной исторической этнографии ошибка, когда наименования ополчений приписывается этнонимический смысл, а уже затем на этом основании этническое самосознание объявляется «изначальным» (пример – трактовка наименований ополчений на Бехистунской надписи).

⁵ *Даль В.И.* Указ. раб. Т. 1. С. 678.

⁶ Неслучайно в документах XVI–XVII вв., касающихся народов Сибири, термины «туземцы» и «иноземцы» часто замещали друг друга. Многочисленные примеры содержатся в недавней публикации «Обычное право народов (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы)» [М., 1997].

⁷ Сравните с греч. *χθωνίος* – туземный, коренной, первобытный житель страны (*Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. Изд. 5-е СПб., 1899. С. 1344–1345).

⁸ В скобках замечу, что исследования по символической географии чрезвычайно редки в отечественной этнографической традиции, если не вообще относятся к забытому жанру, который удостоивается внимания лишь у специалистов по геополитике [см., например, работу А. Дугина «От сакральной географии к геополитике», опубликованную в журнале «Элементы» (1994. № 1, 3–5)].

⁹ Сибиряки до сих пор говорят «в России», подразумевая лишь ее европейскую, доуральскую часть.

¹⁰ Полный Свод законов Российской Империи. Т. 1. СПб., 1825. Док. № 10, 16, 823, 4464, 4743, 7026, 7278, 8978 и др.

¹¹ *Яковлев Е.К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900. С. 19.

¹² Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. СПб., 1885. С. 321; *Потанин Г.М.* Материалы для истории Сибири. М., 1867. С. 69; *Бутанаев В.Я.* Этническая история хакасов XVII–XIX вв. М., 1990. С. 28, 39–40, 43.

¹³ *Кистяковский А.* Собрание и разработка материалов обычного права. Варшава, 1876. С. 8.

¹⁴ В терминоведении и логике обычно говорят об экстенсionalе понятия (термина), т.е. о совокупности всех явлений реального мира, охватываемых данным понятием или термином (в отличие от интенсionalа – совокупности значений).

¹⁵ Мы до сих пор говорим об «освоении Севера» и «освоении ресурсов Сибири», но не используем это выражение в отношении европейской части страны.

¹⁶ Например, в законопроекте «О правовом статусе этнокультурных объединений, представляющих языковые, этноконфессиональные и этнические меньшинства», проходившем парламентские слушания в марте 1997 г., «народы, ведущие традиционный образ жизни (малые коренные, или аборигенные народы)», определяются как «народы (меньшинства) Российской Федерации, находящиеся на *менее высокой, чем большинство, стадии социально-экономического развития*, чей образ жизни полностью или в значительной степени зависит от природной среды места их проживания и чье правовое положение регулируется частично или полностью их собственными обычаями, традициями или же особым законодательством» (курсив мой. – С.С.). Между прочим, еще в статье В. Даля «Туземный» есть пример: «Туземные жители части Океании стоят на низшей ступени человечества».

¹⁷ *Lafitau J.-F.* Les moeurs des sauvages americains comparees aux moeurs des premiers temps. V. 1–2. P., 1724.

¹⁸ Даже в современных документах мы сталкиваемся с выражениями типа «реликтивно-экзотические народы Севера» [Государственная программа национального возрождения и межнационального сотрудничества народов России (основные направления). М., 1994. С. 35].

¹⁹ *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // *Бахрушин С.В.* Науч. труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955; *Степанов Н.Н.* К вопросу об остяко-вогульском феодализме // Сов. этнография. 1936. № 3. С. 28; *Мартынова Е.П.* Южные ханты в XVII–XIX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986. С. 38–39.

²⁰ Здесь уместно упомянуть историю термина «нацмен», превратившегося из нейтрального обозначения представителей национальных меньшинств в слово с отчетливой оскорбительной окраской. К проявлениям этой оптики следует отнести и устойчиво воспроизводящееся определение этих народов как «малых», или «малочисленных», неоднократно и пока безуспешно подвергавшееся критике.

²¹ Вот как, например, обосновывает его использование в своей яркой работе А.В. Головнев: «...В досоветское время коренное население в научной, просветительской, художественной литературе именовалось туземцами. Позднее в научной литературе стало почему-то неловко употреблять это название

и его заменили синонимичными, но не слишком благозвучными для русского языка словами "абориген", "автохтон" и т.д. Между тем понятие "туземец" (житель данной земли) по звучанию и значению вполне соответствует заданной в работе тематике и, как мне представляется, имеет право быть возвращенным в научный обиход». См.: Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 33.

²² Полный Свод законов Российской Империи. Т. 38. СПб., 1830. С. 394–411.

²³ См., например: Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 1995. С. 96–97.

²⁴ Серебренников И. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск, 1917.

²⁵ Даль В.И. Указ. раб. Т. 2. М., 1994. С. 46.

²⁶ Так, С.А. Степанов, автор предисловия к переизданной монографии В.Л. Серошевского «Якуты» (М., 1993. С. XVI) пишет: «Современному читателю сразу бросится в глаза архаичная терминология... Режут слух выражения "инородцы" и "туземцы", хотя следует оговориться, что в то время данные термины являлись общепотребимыми и не имели обидного оттенка».

²⁷ Даль В.И. Указ. раб. Т. 2. С. 45.

²⁸ Об отписке у мурз и татар поместий и вотчин... // Национальная политика в России. Кн. 1. М., 1992. С. 190.

²⁹ О нестроении мечетей в деревнях, где русские и крещенные иноверцы живут... // Национальная политика в России. Кн. 1. М., 1992. С. 220.

³⁰ Национальная политика в России. Кн. 1. С. 217.

³¹ Термин «поганый», т.е. «нечистый с религиозной точки зрения», «языческий», «иноверческий» (Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. С. 47), является общим для многих славянских языков (белорусского, болгарского, польского, сербско-хорватского, русского, украинского и чешского) и восходит к латин. religio pagana – деревенская, или мужичья, вера (как известно, христианство в Риме первоначально было религией городского населения).

³² Даль В.И. Указ. раб. Т. 2. С. 8.

³³ Там же. Т. 1. С. 110. Экзотизация обусловила резкие изменения в восприятии артефактов туземных культур, и сегодняшнему посетителю музея народов Востока вряд ли придет в голову назвать статуэтку Будды «медным уродом».

³⁴ Приведу еще один пример из словаря В. Даля: «Аще ты иудей сый, язычески, а не иудейски живещи, почтой языки иудеиши иудейски жительствовати?». Слово «язык» в церковно-славянском обозначает другой, чужой народ, иноплеменников или иноверцев; таким образом, в современном русском это звучало бы следующим образом: «Если ты иудей, почему же живешь по-язычески, а не по-иудейски, почему заставляешь иноплеменников жить по-иудейски?». Очевидное из приведенного примера исключение иудеев из числа язычников (как и вообще всех «народов Книги») с очевидностью демонстрирует разницу в объемах понятий «иноверец» и «язычник».

³⁵ Например, митрополит Сильвестр пишет в 1729 г.: «...А ныне новокрещеные деревни имеются между бусурманскими деревнями за Камою рекою близ башкир» (Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 г. М., 1880. С. 52).

³⁶ По В. Далю «неверные» – «не исповедующие истинной, чистой веры, не просвещенные словом Божиим, не христиане, особ. мусульмане, бусурмане» (Даль В.И. Указ. раб. Т. 2. С. 508).

³⁷ Незавершенность этого «природнения» отражалась языком в появлении терминов типа «крещеные иноверцы» или «новокрещеные». По поводу последнего термина существует любопытное свидетельство XVIII в.: «Нагайбацкая крепость... от Мензелинска 64 версты. В окружении сей крепости издавна двоякого состояния люди находились, а именно: новокрещеные и иноверцы. Что до первых, то их пристойнее бы старокрещеными именовать. Ибо они как сами о себе сказывают, да и по делам довольно значится, еще во время царя Иоанна Васильевича из Магометан, а паче из идолопоклонников, восприняли святое крещение» (Сочинения П.И. Рычкова 1762 г. Оренбург, 1887).

³⁸ Как и в случае с уже рассмотренными терминами, самоназвание «ясачные» могло выступать в функции этнонима, и тогда обозначение становилось метанимичным (по одному из аспектов экономической жизни именовалась группа в целом, и термин терял свою определенность и «узкодисциплинарность», обозначая уже не податное сословие, а инокультурное сообщество).

³⁹ Показательна увязка налоговой политики с конфессиональной. Так, по сенатскому указу 1723 г. уклонившихся от учета по ревизии «ясашных черемис» было велено не наказывать, «а крестить бы их в православную веру Греческага исповеданья... а ежели и впредь такие иноверцы в утайке душ явятся, а пожелают креститься, и тем наказания не чинить» (Национальная политика в России. Кн. 1. С. 193).

⁴⁰ Например, аманатство – взятие в заложники «именитых родовичей» для гарантирования уплаты ясака.

⁴¹ Кулешова Н.В. О чем рассказывают генеалогии барабинских татар // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Томск, 1995. С. 43.

⁴² Головнев А.В. Говорящие культуры... С. 90.

⁴³ «Декларация прав народов России», принятая съездом Советов 15 ноября 1917 г.

⁴⁴ Приведу пример из декрета ВЦИК 1920 г.: «Каждая национальность в пределах РСФСР выделяет в Наркомнац... специальные представительства в составе председателя и двух членов».

⁴⁵ Термин «народ» в отношении коренного населения Севера используется в документах этого периода лишь однажды, причем исходит не со стороны законодателей и чиновников госаппарата, а является частью словаря научных работников. Речь идет о постановлении ЦИК «Положение об Институте народов Севера при ЦИК Союза ССР» от 30 марта 1930 г.

⁴⁶ Исключение – «народы Востока». О топологии мышления о народах Востока см.: *Said E.W. Orientalism*. N.Y., 1979.

⁴⁷ *Barsh R. Indigenous Peoples: An Emerging Object of International Law // Amer. J. Int. Law*. 1986. V. 80. P. 375.

⁴⁸ Последний термин введен Ч.У. Моррисом в 1930-е годы для обозначения функционирования языковых знаков в речи (речевая тактика, установки говорящего, правила вывода скрытых смыслов и т.д.) и области исследований, связанных с этой проблематикой.

⁴⁹ *Соколова З.П. Концептуальные подходы к развитию малочисленных народов Севера // Социально-экономическое и культурное развитие народов Сибири и Севера: традиции и современность*. М.: 1995. С. 34–36.

S.V. Sokolovskiy. The concept of «Native People» in Russian Science, Politic and Legislation

The author stresses that there are a lot of ways of understanding of the status of speaking another language and heterodox peripheral population in the history of science. It is reflected in many administrative documents, scientific works and fiction. It is also reflected in the system of terms used for the description of these population groups situation.

The article considered the notion «native people» and the other terms and notions such as «aborigines», «heterogeneous», «heterodox», «yasachniy» and so on which are associated and substituted that the term in Russian history.

© 1998 г., ЭО, № 3

А.А. Ярлыкапов

НОГАЙСКАЯ СТЕПЬ: ЭТНОС И РЕЛИГИЯ СЕГОДНЯ

Религиозное возрождение, начавшись со времен перестройки, сыграло огромную роль в жизни народов, населявших некогда единый Советский Союз. Ислам, будучи второй по количеству приверженцев религией в пределах СССР и оставаясь таковой в пределах Российской Федерации, оказался в гуще происходящих с тех пор интереснейших и противоречивых процессов. Ислам не разделяет жизнь на светскую и духовную стороны; в этом причина его активности и огромного влияния на ход политических событий в стране. Понятия «исламское» и «народное» тесно переплетены в сознании представителей мусульманских этносов. Это особенно явственно было видно в годы советского атеизма, когда население продолжало придерживаться исламских обычаев и обрядов, понимая их как народные, а не религиозные.

Перечисленные факторы показывают нам важность знания и понимания того, что происходит сейчас в области религии. Они способны оказать большую помощь в изучении современных этнических процессов, которые влекут за собой заметные перемены во всех сферах жизни народа. Особенно сложная и тревожная обстановка сло-